

глагола *абизе* в другом значении: “говорить, сказать, молвить”. *РагӀи абизе* “слово вымолвить, сказать”);

4) грамматические омонимы (*сапнал* род. п. ед. ч. сущ, *сапун* “мыло” и *сапнал* мн. ч. им. п. сущ. *сапун* “мыло”).

Сравнительно-сопоставительный анализ количественного и качественного состава этих групп дает обобщённое представление об омонимии современного аварского языка.

Список литературы

1. Ульман С. Семантические универсалии / С. Ульман // Новое в зарубежной лингвистике. – 1970. – Вып. 5. – С. 250–298.

2. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – Москва : Наука, 1977. – С. 162–189.

3. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – Москва : Просвещение, 1957. – 362 с.

4. Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия / П. А. Соболева. – Москва, 1989. – 293 с.

5. Русская грамматика / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Наука, 1980. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 1476 с.

References

1. Ulman S. Semanticheskie universalii // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. 1970. Iss. 5. pp. 250–298.

2. Vinogradov V. V. Osnovnyie tipy leksicheskikh znacheniy slova // Izbrannyye trudyi. Leksikologiya i leksikografiya. Moscow, Nauka, 1977. pp. 162–189.

3. Ahmanova O. S. Ocherki po obschey i russkoy leksikologii. Moscow, Prosveschenie, 1957. 362 p.

4. Soboleva P. A. Slovoobrazovatel'naya polisemiya i omonimiya. Moscow, 1989. 293 p.

5. Russkaya grammatika / N. Yu. Shvedova. Moscow, Nauka, 1980. Vol. 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. 1476 p.

PR-ДИСКУРС КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Казиева Диана Ахматовна, кандидат филологических наук, заместитель руководителя Дирекции по связям с общественностью, ОАО «МРСК Северного Кавказа», 357503, Россия, г. Пятигорск, пос. Энергетик, ул. Подстанционная, 13а, e-mail: Diana-c@yandex.ru.

Статья посвящена различным концепциям, определяющим теорию дискурса и характеризующим современную лингвистическую парадигму. Новые направления науки о языке зачастую опираются на методики дискурс-анализа. Это свидетельствует об актуальности дискурса как объекта исследования. Автор представляет частные теории дискурса, разрабатываемые наряду с углублением его общей теории, которые обладают значимым эвристическим потенциалом для осмысления современного социокультурного процесса. Для многих исследований отправной точкой становится тезис *Вы таковы, каков Ваш дискурс*, что подчёркивает определяющую роль идентификации и позиционирования как важнейших функций дискурса.

Ключевые слова: дискурс, символ, суггестия, теория дискурса, дискурс-анализ, PR-дискурс, масс-медиа

PR DISCOURSE AS A SYMBOLIC CAPITAL: LINGUO-PRAGMATIC MODEL

Kaziyeva Diana A., Candidate of Philological Sciences, Deputy head of the Directorate on public relations of IDGC of Northern Caucasus, JSC, 357503, Russia, Pyatigorsk, Energetik settlement, 13a Podstancionnaya st., e-mail: Diana-c@yandex.ru.

The article is devoted to various concepts underlying the theory of discourse and characterizing modern linguistic paradigm. New directions of the science of language often rely on the methods of discourse analysis. This is evidence of the importance of discourse as an object of research. The author is of particular theories of discourse developed along with the development of his General theory, which have significant heuristic potential for the understanding of contemporary social and cultural process. For many studies starting point is the thesis you are, what your discourse that emphasizes the crucial role of identification and positioning as the most important functions of discourse.

Keywords: discourse, symbol, suggestion, theory of discourse, discourse analysis, PR discourse, mass media

Конкуренция различных видов дискурсов обусловлена поливариантной интерпретацией феноменов и процессов, которую они предлагают в форме символически-знаковых образований, вербализованных и невербализованных, что позволяет позиционировать, репрезентировать и идентифицировать социальные акторы. Кроме того, дискурсы способны формировать семантические пространства, знаково-символические по своему характеру, которые и детерминируют их функционирование. Дискурсы выступают агентами смыслопорождения в сфере экономики, политики, общественных отношений, культуры. Общественное сознание как главный адресат дискурсивного воздействия подвергается посредством дискурсов формированию и корректировке, т.к. нормы и ценности, образы и концепты внедряются в него именно через дискурсивную деятельность. Поэтому бесспорной оказывается мысль о формировании у социальных объектов ментальных образов, картин и концепций мира и их аксиологических матриц.

Наиболее сильные и репрезентативные дискурсы влияют на общественное мнение: это обусловлено той конкурентной борьбой, которая разворачивается между дискурсами на социальной арене. Именно суггестивный потенциал дискурса, его энергетическая ёмкость и эмоциональность становятся той движущей силой, которая объективирует значимость данного вида дискурса для социума. Формирование новых дискурсов обусловлено деконструкцией прошлых идентичностей. В поликультурном пространстве едва ли не самым важным сейчас является вопрос «кто мы?».

Онтологический статус языка определяется тем, что посредством его объективируется сознание. Личность вербализует когнитивные структуры благодаря способности к категоризации и концептуализации мира. В.В. Колесов отмечает в этой связи, что «особенность современного "дискурса" определяется установкой на современный аспект языка как основной, ведущий, от которого зависят и которым определяются все прочие, в том числе и главные стороны его функционирования, например, речемыслительная (ментальная)» [8, с. 174].

Безусловно, дифференциальные признаки «формаций дискурса», по М. Фуко, отражают значимые отличия в «наивной картине мира» представителей отдельных социальных стратов и социумов, что в целом коррелирует и с конкретной ментальностью. Тем не менее, эти отличительные черты не касаются семиотической природы реальности, т.к. модели реальности различны не онтологически, а прагматически. Дискурс в его семантико-прагматическом аспекте детерминирует и личность, и культуру в их индивидуальных особенностях.

Многомерность ментально-семиотических сфер коммуникантов подвергается параметризации в ходе анализа и моделирования их вербального взаимодействия. Одной из распространённых гипотез ментальности и «информационности» языковых единиц является обоснование связи степени «расчленённости» смысла и пропози-

циональной / предикативной структуры: от слова к словосочетанию и предложению. Диахроническое изучение данного процесса позволяет В.В. Колесову утверждать, что «ментализация заключалась в соединении знака-звучания с символом-смыслом» [6, с. 398], а «логические структуры заложены в самой системе языка, так что нет резкой грани между понятием, образом или движением эмоции в функциональной завершенности отдельного слова. Подобное их единство в различных актах речи и в различных обстоятельствах способно выявить в контексте значение слова» [7, с. 132–133]. Значит, различный статус языковых единиц определяет степень эксплицированности их «информационности». Слова консервируют информацию об объекте в сжатом виде, тогда как высказывания, сегменты текста и целые тексты «распаковывают», воспроизводят и модифицируют эту информацию, свёрнутую в слове.

Текст организует информацию, что позволяет определить его как сложный коммуникативный акт [5] с учётом параметров непрерывности и связности, маркировки коммуникативных установок, прагматических целей автора и др. Поэтому бесспорна когнитивно-дискурсивная основа процесса информирования, манифестируемая на ментальном уровне.

Развитие масс-медиа обуславливает увеличивающуюся медиатизированность и самих дискурсов, синтетическая аудиовизуальная природа которых обуславливает их мощный суггестивный потенциал, вовлекая в коммуникацию различные компоненты сознания, в том числе чувственные и иррациональные, скрыто воздействуя и на подсознание, чему способствуют различные коммуникативные стратегии. Активизация междисциплинарного изучения дискурсов обусловлена расширением коммуникативного пространства в современном мире и возникновением новых видов дискурсов.

В этой связи PR-дискурс как новый вид дискурса может быть рассмотрен с позиций различных научных парадигм, что позволяет структурировать его лингвопрагматическую модель. Так, в коммуникативной парадигме PR-дискурс предстаёт как сообщение, которое имеет конкретные коммуникативные свойства и функции, а значит, как коммуникативное событие. PR-дискурс фиксирует и транслирует смыслы, идеи, ценности, образы, а также оценки, мнения, интерпретации и другие ментальные и виртуальные образования.

Кратологический подход позволяет оценить возможности PR-дискурса как мощного властного ресурса, с помощью которого возможны самопрезентация, идентификация, легитимация и конструирование образов реальности, позволяющие социальным институтам и отдельным личностям позиционировать себя в социокультурном, политическом и экономическом пространстве, поликультурном по своей сути.

Коммуникативные и властные черты PR-дискурса тесно связаны с его *семиотическими характеристиками*. Семиотика оценивает дискурсы как знаковые системы, которые могут выступать как разнообразные тексты, языки, символы, иконические системы, а также как вещи, предметы массового потребления. Массовая культура и массовое потребление диктует бурное развитие дискурсов Интернета, ТВ, мобильной связи, шоу-бизнеса, шоу-политики, рекламы, моды и модельного бизнеса, которые также наделены определёнными чертами PR-дискурса, соотносясь с ним как вид с родом.

Все виды дискурсов как знаковые системы могут быть подвергнуты семиотическому структурному анализу (см., например, работы Р. Барта, У. Эко, Ю. Лотмана [1; 9–11] и др.). Лингвопрагматическая модель PR-дискурса должна опираться на коммуникативный, кратологический и семиотический подходы как методологический комплекс, включая соответствующие структуры. Эти структурные измерения могут составить непротиворечивую модель в случае, если PR-дискурс исследуется как *символический капитал*.

Термин «символический капитал» был введён в научный оборот П. Бурдьё: «любое свойство (любой вид капитала: физический, экономический, культурный, социальный), когда оно воспринимается социальными агентами, чьи категории восприятия таковы, что они в состоянии узнать (заметить) и признать, придать ценность этому свойству. Пример: честь в средиземноморских странах является типичной

формой символического капитала, который существует только через репутацию, т.е. представление о ней, составленное другими в той мере, в какой они разделяют совокупность верований, способных заставить их заметить и оценить качества и определенные поступки как достойные или бесчестящие. Говоря точнее, это форма, которую приобретает любой вид капитала, когда он воспринимается через категории восприятия, являющиеся результатом инкорпорации делений и оппозиций, вписанных в структуру распределения этого вида капитала» [4, с. 144].

Три структурные конструкции, лежащие в основе лингвопрагматической модели PR-дискурса, логически вытекают из определения символического капитала. Так, коммуникативный план предстаёт как ориентация на сообщение и рецепцию неутилитарных ценностей. Значение лексемы «капитал» указывает на властный ресурс, который имеется в символическом капитале. Природа власти символического капитала и дискурса одинакова: они структурируют, упорядочивают картину мира, позиционируя, определяя статус, соотношения, иерархичность субъектов в мире. Другая часть терминологического сочетания «символический» определяет его знаковый характер.

Трактовка PR-дискурса как символического капитала позволяет выявить ряд признаков, характерных для этого вида дискурса. Ж. Бодрийяр выдвигает теорию политической экономии языка по аналогии с политической экономией К. Маркса: «главным действующим лицом» в ней уже выступает символический капитал, а главным видом обмена – символический обмен [2; 3].

По Бодрийяру, процесс символического обмена предстает как двойное социальное принуждение – «принуждение давать и принуждение брать», а принудительная сила символического обмена порождает противоречия между участниками обмена, что в целом обусловлено их различными статусными позициями, возникающими в результате многоступенчатого обмена. В современной теории обмена эта социальная логика, по Ж. Бодрийяру, в конкретном дискурсе не артикулирована: обмен предметами, символизировавшими социальные ценности и отношения социального неравенства, как правило, объективируется с помощью употребления понятия «потребность», трактуемого обмен как естественный, присущий природе человека процесс. Такое положение дел обеспечивает мифологизацию процесса обмена и предметов обмена.

По Ж. Бодрийяру, за мифологизированными знаковыми формами можно обнаружить социально-противоречивую суть дискурса обмена и дискурса предметов обмена посредством методологии политической экономии знака: «дискурс должен быть прочитан в своей классовой грамматике, классовых акцентах, в противоречиях, возникающих между индивидом и его социальным положением или между целой группой и ее социальным положением, в противоречиях, проговариваемых в самом дискурсе предметов» [2, с. 19]. Поэтому можно говорить о дискурсе как силе, которая производит отношения символического обмена, имеющее социально-классовый и статусный смысл.

В наиболее общем виде определение, составляющее основу лингвопрагматической модели PR-дискурса, таково: PR-дискурс – это символический капитал, имеющий семиотический, властный и коммуникативный потенциал, позволяющий ему продуцировать и транслировать смыслы, значимые для объективации иерархии и статуса субъектов в социокультурном процессе.

Список литературы

1. Барт Р. Мифологии / Р. Барт. – Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – 312 с.
2. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. – Москва : Библион-Русская книга, 2003. – 272 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр; пер. с франц. С. Н. Зенкина. – Москва : Добросвет, 2000. – 387 с.
4. Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / П. Бурдьё // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социо-

логии и философии Института социологии РАН. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1999. – С. 125–166.

5. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Москва : Прогресс, 1989. – 310 с.

6. Колесов В. В. Философия русского слова / В. В. Колесов. – Санкт-Петербург : ЮНА, 2002. – 448 с.

7. Колесов В. В. Язык города / В. В. Колесов. – Москва : Едиториал УРСС, 2005. – 192 с.

8. Колесов В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.

9. Лотман Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – Москва : Гнозис : Прогресс, 1992. – 272 с.

10. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология / под ред. В. П. Нерознака. – Москва, 1997. – С. 202–212.

11. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1998. – 432 с.

References

1. Bart R. Mifologii. Moscow, Publ. name Sabashnikovy, 1996. 312 p.
2. Bodriyyar Zh. K kritike politicheskoy ekonomii znaka. Moscow, Bibliion-Russkaya kniga, 2003. 272 p.
3. Bodriyyar Zh. Simvolicheskiy obmen i smert. Moscow, Dobrosvet, 2000. 387 p.
4. Burde P. Duh gosudarstva: genезis i struktura byurokraticheskogo polya // Poetika i politika. Almanah Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii RAN. St. Petersburg, Aleteyya, 1999. pp. 125–166.
5. Deyk T. A. van. Yazyik. Poznanie. Kommunikatsiya. Moscow, Progress, 1989. 310 p.
6. Kolesov V. V. Filosofiya russkogo slova. St. Petersburg, YuNA, 2002. 448 p.
7. Kolesov V. V. Yazyik goroda. Moscow, Editorial URSS, 2005. – 192 p.
8. Kolesov V. V. Yazyik i mentalnost. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004. 240 p.
9. Lotman Yu. M. Kultura i vzryiv. Moscow, Gnozis, Progress, 1992. 272 p.
10. Lotman Yu. M. Semiotika kulturyi i ponyatie teksta // Russkaya slovesnost. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta / ed. V. P. Neroznak. Moscow, 1997. pp. 202–212.
11. Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu. St. Petersburg, Petropolis, 1998. 432 p.

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ Б.М. ШАХОВСКОГО И Ю.И. КОЧЕТКОВА

Чистякова Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: okjemirvictoria@mail.ru.

Статья посвящена дружеской переписке двух поэтов. В письмах прослеживаются культурные связи, профессиональное окружение поэтов, события середины XX века. Большое внимание уделено анализу стихов, советам по их шрифтовке.

Ключевые слова: поэт, книга, стихи, прозаик, публицист, письмо

FROM THE EPISTOLARY HERITAGE OF B.M. SHAHOVSKY AND Y.I. KOCHETKOV

Chistyakova Irina Y., Doctor of Philological Sciences, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev St., e-mail: okjemirvictoria@mail.ru.